

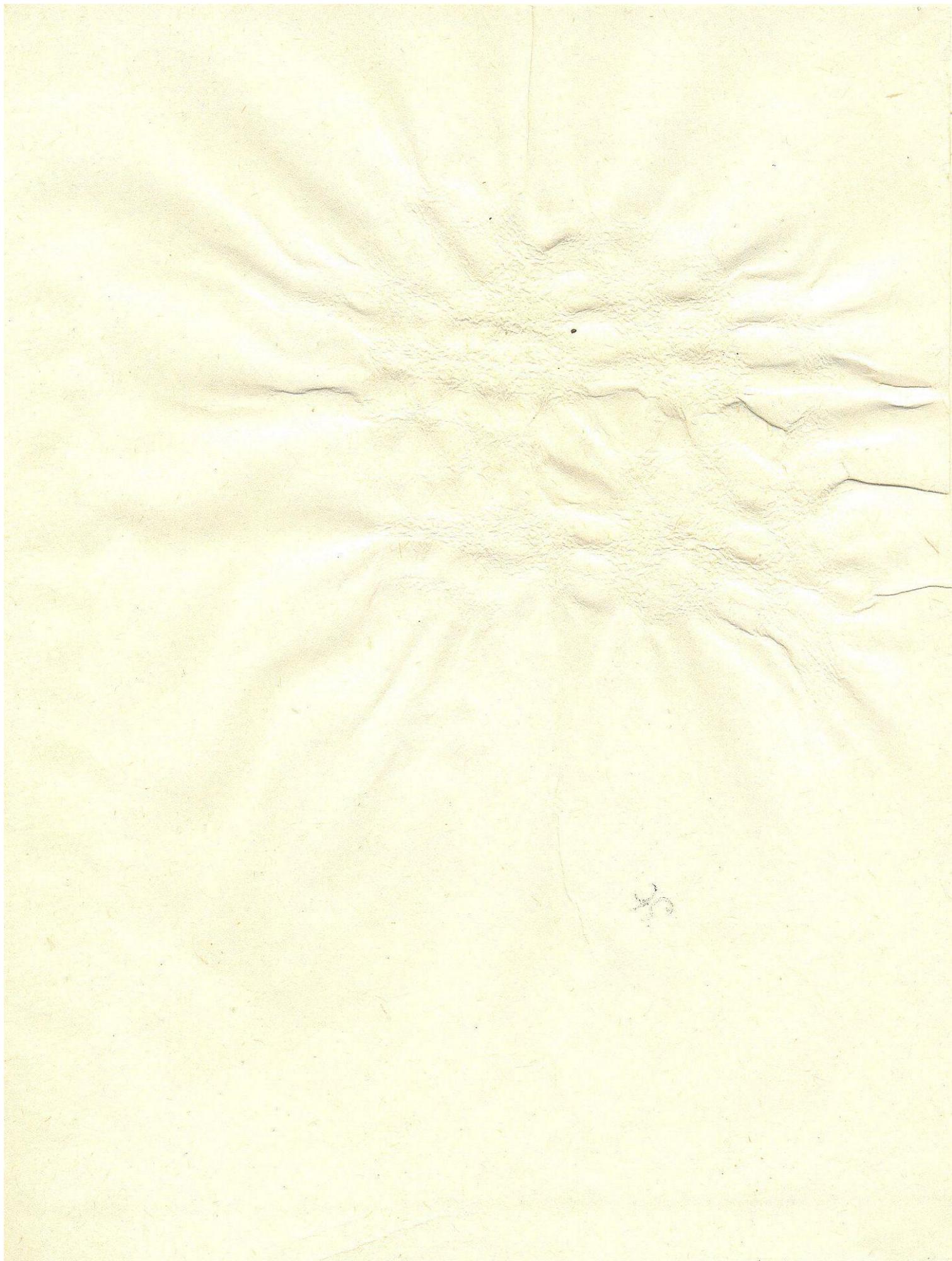
к 65

К.С. КОПЫСОВА

УРАЛЬСКИЕ
ПЕСНИ
И ПРЕДАНИЯ

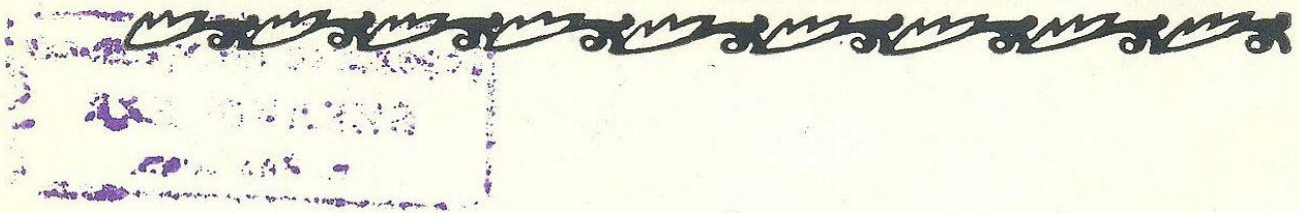

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

28 III 1942
№ 3 - 306

2. к.

82.3(2 Рос = Рус) - 6, кр.

782
K65

К. С. КОПЫСОВА

**УРАЛЬСКИЕ
ПЕСНИ
И ПРЕДАНИЯ**

Литературная
запись и обработка
В. Н. Курбатовой

Издание второе,
исправленное
и дополненное

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1964

Городская центральная
БИБЛИОТЕКА
г. Волчанск

~~6654~~
~~6606~~

32664

12 29 1864

1864

1864

1864

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО К. С. КОПЫСОВОЙ

Уральская народная сказительница Клавдия Степановна Копысова родилась в 1876 году в Михайловском заводе, Нижне-Сергинского района Свердловской области (бывш. Красноуфимский уезд Пермской губернии).

В семье и среди близких родственников Клавдии Степановны было немало рассказчиков и песенников. Именно они явились первоисточником, из которого Копысова почерпнула знание произведений народного творчества.

Отец Копысовой — Степан Васильевич Онуфриев — был мастером на все руки — лесник, пчеловод, охотник и первый портной на заводе. Прямой и резкий по характеру, он не раз «сводил счеты» с местным начальством за обиды заводскому люду — избивал урядника, станового и даже попа.

Среди друзей он был известен как неутомимый рассказчик охотничьих и золотоискательских побывальщин, разбойничьих преданий и сатирических стихов, направленных против местного начальства. Кляша была его самой любимой дочерью. Он часто брал ее с собой в лес.

«Приедем, бывало, — вспоминала Клавдия Степановна, — тятя скажет:

— Глашурка, а Глашурка, лес шумит — это он с тобой разговаривает.

О чем он тебе толкует?

А я живо:

— Тятенька, тут в лесу баба-яга ходит, золото хоронит, леший серебро стережет.

Отец как захочет:

— Ну и пусть стережет, а когда надо будет — украдем у него. Видишь, вон река Уфа вьется, по ней Пугачев плыл. А вот тут бугорок — это скит кержацкий. Аннушка тут похоронена. А там у дороги крест — бродяги человека за копейку убили.

Слушаешь, слушаешь тятеньку — лучше всех побывальщины рассказывал».

Мать Клавдии Степановны слыла в округе песенницей. Она любила петь старинные проголосные лирические песни о несчастной любви и тяжелой женской доле.

Клаша больше тяготела к отцу, к его сказам, овеянным героикой борьбы. Неизгладимый след в памяти Копысовой оставили — тетка матери, хро-мая Марфа, и дедушка Тепикин.

Тетка Марфа была профессиональной вопленицей, она импровизировала причеты, полные тоски и скорби.

Тепикин, дедушка по матери, был весельчаком и балагуром. Он рассказывал детям былины об Илье Муромце, Соловье-разбойнике, о Добрыне и змее. Змей походил в его рассказах на полоза местных легенд, а герои былины действовали не в опаленных зноем южных степях, а в таежных урманах, в дремучих лесах Урала. Дед был грамотен и многие былины вычитал из печатных сборников. Он же познакомил Клашу с поэзией Некрасова и Кольцова.

«Когда десять годков минуло, — рассказывала Копысова, — на меня оспа навалилась. Долго без памяти лежала, а потом начала выздоравливать. Отец в отлучке был, приехал, напился пьяный с горя. Стукнул кулаком по столу, да как заревет по-медвежьи:

— Лучше бы дом сгорел, чем дочь кривая осталась! Ты виновата, мать, что дочь не уберегла.

Я как заплачу, а потом вытерла кулаком слезу, обняла отца:

— Не реви, тятенька, я хоть кривая, а одним глазом лучше других вижу».

После смерти отца (1887 г.) семья Онуфриевых осталась без средств к существованию и испытала много лишений и бед. Мать поступила на листокатальный завод, а летом у крестьян нанималась убирать хлеб. Старшего сына она устроила в лесничество, а Клашу и маленького братишку — на писчебумажную фабрику.

«Бывало, гудок на обед прогудит, — вспоминала сказительница те годы жизни, — все завтракать идут, а мы с Васюткой заберемся за кипы с бумагой, чтоб нас не видели, и начнем рассказывать друг другу сказки и побы-вальщины, чтобы заморить червячка. Прогудит гудок — мы опять на местах. Много нас, малюток, пресс качало. Пот льется, тяжело...»

Когда Клаше исполнилось пятнадцать лет, ее отправили в Челябинск, где она работала полемойкой в доме купца. Вскоре она вернулась домой и снова поступила работать на листокатальный завод.

Тяжелая, полуголодная жизнь не убила в ней бодрости и силы духа. Зная множество песен, былиц, сказов и, самое главное, обладая талантом импровизации, она всегда принимала горячее участие в рабочих инсценировках народных драм — «Шайка разбойников», «Афонька и барин», «Доктор и барин» и других вместе с братом Николаем.

Выйдя замуж за рабочего железнодорожного депо, Клавдия Степановна уехала в Челябинск. Тяжелые материальные условия привели к тому, что муж вскоре умер от чахотки. С тремя детьми молодая вдова вернулась в Михайловский завод и стала зарабатывать кусок хлеба на погрузке дров и угля. Затем она поступила чернорабочей на копи и работала там до 1933 года. Несчастный случай прервал ее работу: осколок щебня попал в ее единственный здоровый глаз, и она совершенно ослепла.

Слепота, лишившая Копысову многих радостей, однако, не угасила в ней страстной любви к жизни и поэтическому творчеству.

На основе общерусской и, в частности, местной уральской народнопесенной традиции она создает свои поэтические произведения — поэмы, сказания.

Творчество Копысовой органически связано с фольклором. Вне фольклора нельзя правильно понять и объяснить ни одного из ее произведений. Так, например, песни «Ермак и река Тура», «Ермак и хан кучум» слагались под непосредственным влиянием исторических преданий и песен об Ермаке Тимофеевиче; песня «Пугачевский клад» развивает отдельные мотивы фольклора пугачевского цикла.

Но Копысова не простой передатчик-исполнитель памятников народной поэзии. Она сама творец фольклорных произведений. В этом нетрудно убедиться, сопоставляя хотя бы известные исторические песни об Ермаке с песней «Ермак и река Тура», созданной Копысовой в 1943 году.

Народные песни об Ермаке Тимофеевиче — эпически пространны, документальны. Это своего рода летописная повесть. Основная идея этих песен — богатырство, непобедимость русских людей. Она, безусловно, навеяна героическими подвигами советского народа в годы Великой Отечественной войны.

Прибили казаки тех татар не мало число.
И тому татары дивовалися,
Каковы русски люди крепкие,
Что не единова убить не могут их:
Каленых стрел в них, как в снопики, наклеплено,
Только казаки невредимы стоят.

У Копысовой эта тема раскрывается по-новому. Река Тура обращается к Ермаку с гневным и взволнованным призывом:

Ты плыви, плыви, добрый молодец,
Атаман Ермак Тимофеевич,
Ты возьми, возьми всех татар в полон,
Хватит им зорить землю русскую!

Копысова не ограничивается изображением богатырства русских людей. Ее героям присущ истинный патриотизм. Ермак, отправляясь в царство Кучума, с любовью думает о внуках и правнуках, которым не будет угрожать недруг. В художественном отношении Копысова создает совершенно новую композицию: вместо эпически-документального повествования, традиционного для исторических песен, она дает лирический диалог, исполненный волевых интонаций.

Прошлое сказительница рисует реалистично, без всяких прикрас. Нищета и эксплуатация трудящихся масс господствующими сословиями («Шайка разбойников», «Приказчик Ванька», «Глашенька»), гибель самых лучших человеческих чувств, самой нежной любви, вследствие проповеди национальной вражды и религиозного фанатизма («Аннушка», «Глашенька»), и, наряду с этим, непримиримая борьба народных героев против физического и духовного порабощения — таковы основные мотивы, взятые уральской сказительницей для изображения дореволюционного прошлого.

Копысова неоднократно повествует об эпопее Ермака и роли Урала в покорении Сибирского царства, социальных отношениях на уральских заводах, о пугачевщине, уральских старообрядцах и т. д. Изображение конкретной исторической действительности в ее творчестве пронизано идеей гуманизма, братства угнетенных народностей и ненависти к социальному злу.

Произведения Копысовой насыщены деталями уральского быта, а образы предельно реалистичны и психологически убедительны. Каюм, Аннушка, Глаша, Алеша, социально типичны и воспринимаются как образы, возникшие в определенный момент исторического развития Урала.

Малограмотная и к тому же слепая, Копысова не имела возможности закрепить на бумаге свои произведения. Она держала их в памяти и при повторении той или иной песни меняла отдельные куски, варьируя их. Сочинив новую вещь, она иногда записывала для памяти начальную букву стихов и потом просила кого-либо из родных прочесть их.

Песни свои Копысова обычно сообщала полунапевом, речитативом; мимикой, жестом дополняла изображаемый образ.

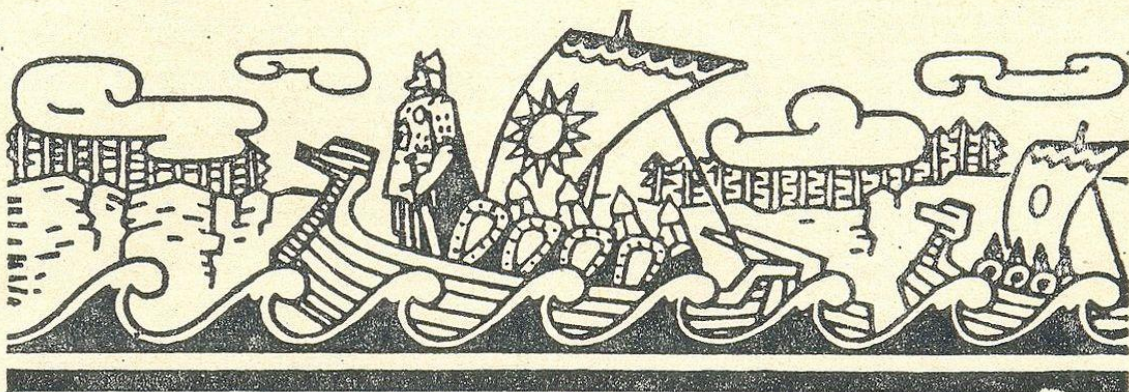
Произведения, помещенные в данном сборнике, записаны В. Н. Курбатовой в 1946—1956 годах в городах Лысьве и Свердловске.

Скончалась Клавдия Степановна Копысова в Свердловске 12 апреля 1956 года на семьдесят восьмом году жизни.

М. Китайник, В. Курбатова.

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕСНИ
И ПЕРЕДАНИЯ

КАК ЕРМАК ПЛЫЛ ПО ЧУСОВОЙ

й, да по реке Чусовой,
Да по реке крутой,
По реке крутой, крутой, пенистой,
Плывут, плывут кóсны лодочки.

В них сидят, сидят добры молодцы.
На передней корме сам Ермак сидит
Во шеломе-то он во серебряном,
Во кольчуге он во золоченой,
В сапогах-то он во сафьяновых.

Вскинул очи он соколиные
По крутым горам да по лесичкам:
— Эх, просторы вы, да уральские,
Вы леса, леса кондовые!

Пропустите добрых молодцев
На борьбу, борьбу со татарами,
Со татарами, со сибирскими.

Покорятся пусть Ивану царю,
Ивану царю Грозному.

Как отгаркнулись, да откликнулись
Круты гороньки Уральские,
Леса темные, дремучие,
Волны пенные, гремучие:

— Проплывайте, добры молодцы,
Наши гости долгожданные,
Проплывай, Ермак Тимофеевич,
Богатырь большой земли-матушки!

ЕРМАК И ТУРА-РЕКА

Бй, да по реке-Туре, да по привольицу,
По привольицу, по раздольицу
Как плывут, плывут кóсны лодочки,
Кóсны лодочки, просмоленные.
И сидят на них удалы гребцы,
Удалы гребцы — добры молодцы.
Не один-то их и не пятеро,
А без малого восемь сотенок.
Они с пушками, со пищалями
На войну идут со татарами,
Силой меряться с басурманами.
Как зачал тут петь есаул Кольцо
Про раздольице земли-матушки,
Земли-матушки, рек-касатушек;
Про великого царя-батюшку,
Царя-батюшку, царя Грозного,
Да Ивана-свет Васильича.
Любо песня та легла на сердце,
Хмелем брызнула в буйну голову,
Буйну голову добру молодцу.

Лишь Тура-река лихо пенилась
И несла волну крутоярую.
Тут как встал Ермак на корму ногой,
Гаркнул, крикнул он полным голосом:
— Ой, да ты, Тура-река, круты берега,
С частым ельничком, со кедровничком!
Ты пошто, река, все сварливая,
Волны вздыбила крутоярые,
Омутами вся распласталася?
И пошто песок в мелком бисере?
Взговорила река добрым голосом,
Закачала она кóсны лодочки.
— Ты плыви, плыви, добрый молодец,
Атаман Ермак Тимофеевич.
Ты возьми, возьми всех татар в полон,—
Хватит им зорить землю русскую.

ЕРМАК И ХАН КУЧУМ

Бй, да на сопке-то,
Да на Уральской горе
Богатырь стоит — кудри зелены,
Не годок ему, не десяточек,
А ему теперь много сотенок.
Сучья малые по оглобельке
К земле свесились хвойной лапою.
Ствол у дерева мечен тамгою¹,
Мечен тамгою — лесной грамотой.
В этой грамоте ясно сказано,
Было сказано да написано
На толстой коре разрисовано:
Кто в урмане здесь ране хаживал,
Да посиживал, поговаривал.
У комля, смотри, есть затесочка,
Есть затесочка — полумесяцем,
Сам татарский хан ее вырезал,
Просмолил ее восковой смолой.

¹ Тамга — отличительный знак, клеймо.

Высоко залез на сосеночку,
А бешмет ему на лоб свесился.
Долго он смотрел да на Туру-реку,
Он, как рысь, сидел, в хвое спрятался,
Затаил в себе злобу лютую.
Видит он — плывут быстры лодочки,
По воде скользят левым берегом.
На корме сидит атаманушко,
Атаманушко Тимофеев сын,
Ермаком зовут по прозваньицу.
Он поет, поет песню вольную
Про казачью жизнь да раздольную.
Как причалили кóсны лодочки
Ко крутому да ко бережку,
Сполз Кучумко-царь со вершинушки,
Он татар повел во ложбинушку,
Во ложбинушку-мочежинушку.
Как лиса, Кучум в кусты прячется,
Ловит он слова ухом по ветру.
Подошел Ермак ко сосеночке,
Ко сосеночке, свеже меченой,
Глубоко вздохнул во всю моченьку,
Взвел глаза свои в поднебесьюшко,
А потом взглянул на реку, на лес,
На горы круты, на скалистые.
Он развел свои крепки рученьки,
Закричал-то он громким голосом:
— Ой, леса, да вы, полянушки!
Горы вы круты, Уральские,
Со рекою многоводною!
Расступитесь, часты лесички,
Расступитесь, буйны травушки,

Укажите путь-дороженьку,
Путь-дороженьку во царствие
Во Кучумово, татарское!
Быть Кучумке, быть полоненному
Ко царю да ко Иванушке,
Ко Иванушке да ко Грозному.
Тут вершина закачалась,
Закачалась тихо по ветру,
Указала путь-дороженьку
Ко Кучумке — злему нехристю.
Обошел Ермак вокруг сосенки,
Поклонился ей в три поклончика:
— Ой, ты, дерево, долговекое,
Ты ядреное, кондовое,
Передай поклон нашим правнукам:
Мы за них всю жизнь боролися,
Чтобы жить было им привольнее!
Тут взмахнул-то он топором своим,
Высек он тамгу в три узорчика,
И сейчас она ясно значитя,
Затянулася лишь смоличкою,
Запашистою, сосновою...
Прошли годы, прокатилися.
Богатырь стоит, кудри зелены.
Не забыл его дорогой наказ:
Шлет поклон большой, низко кланяясь,
Ермаковым всем внукам, правнукам.

ПИСЬМО ЕРМАКА

Уж ты, гой еси, надёжа,
Православный царь,
Царь-государь,
Иван Васильевич!

Шлю я грамоту да скорописчату,
С другом ратным да со Иваном Кольцо.
Дозволь ему, государь, речь молвити
От меня, да от дружины моей ратной.

Уж как мы-то, стары разбойнички,
Гуляли по синему морю Хвалынскому,
Уж как мы-то разбивали там корабли,
Косны лодочки смоленые.

А теперича мы Сибирь взяли.
Мы прогнали Кучумку царя,
Мы разбили всю рать его,
Полонили все царство Сибирское.

А тебе-то шлем дороги меха,
Дорогие меха сибирские,
Дороги ковры персидские,
Дорогие ковры китайские.

Уж ты, гой еси, православный царь!
Бьет челом тебе атаман Ермак.
Не вели казнить, вели миловать
Наши буйные головушки!

32664

~~6657~~
~~7606~~

Городская центральная
БИБЛИОТЕКА
г. Волчанск

СКАЗАНИЕ ПРО КРАСАВИЦУ АННУШКУ

Как с высоких-то с Уральских гор,
Из-под самого поднебесьица
Вытекала быстра речушка,
Быстра речушка гремячая,
С золотым песком да с каменьями,
Да с каменьями самоцветными.
И бежала она еланями,
Уремою да черемошником.
Как во речушке да в ключевой воде
Черная смородина купалася,
Зорька утренняя умывалася,
Соловей-соловушка проголосно пел.
А за камушком, на муравушке
Марьин-корень цвел, как огонь горел.
Через речку ту, речку быструю
Пораскинулась заводь темная,
Густой чащею позаглушена,
Позагружена, загорожена.

В тихом омуте, в темной заводи
С жизнью Аннушка рассталася,
Как рассталася, распрощалася,
Слезно-горестно убивалася.
Уж такая ли она была красавица,
Уж такая ли была писана.
Словно маков цвет на поляночке,
Среди бела дня лазорева.
Да недолго пташечка красовалася,
Зелена былиночка колыхалася,
Не косой она была скошена,
Не охотничком да подстрелена,
Не от солнышка она выгорела,
А сгубила ее печаль-тоска,
Печаль-тоска по молодцу,
По баскому да по татарину.
Сохнет, сохнет наша девица,
И не пьет она, и не ест она,
О Каюме все ее думушки,
Все слезами она обливается.
«Не ходи ты, Каюм, по улице,
На красных девиц не поглядывай,
Не рви ты девичье ретиво сердце,
Не пускай тоску ты по ветру,
Не мани ты красну девицу
Сладким медом со малиною,
Тюбетейкой с мелким бисером,
Сапогами да узорчатыми!
Не стерпело сердце Аннушки,
У реки с ним повстречалася,
Повстречалася да спозналася,

Отдала ему сердце девичье.
Ты скажи, скажи, речка быстрая,
Как они тогда целовались,
Целовались, миловались,
И о чем они разговор вели?..
Не стерпело сердце Аннушки,
Она матери во всем призналася,
Во тоске слезами обливающихся,
Захворала мать со печали-тоски,
А отец ее огневался:
Стукнул по столу — стол присел,
Зыкнул голосом — затряслась изба,
Косу девичью обмотал в руке,
Уж как бил ее, приговаривал:
— Взамуж вздумала за татарина,
Ты за нехрестя — басурманина!
Не срами отца, греховодная!
Ты не дочь, а змея подколодная,
Змея подколодная, блудливая,
Блудливая, пакостливая!
Во закуту запер он дочь свою,
На замки крепко дверь закрыл.
А башкир-отец на сына серчал,
Бородою тряс, приговаривал:
— Каюм, йок-йок¹, не могу
Урус дух терпеть!
Сколько хошь себе жен бери,
Только русской чтобы не было!..
Молодой Каюм, а упрямый был,

¹ Йок-йок — татаро-башкирская форма отрицания.

На отцовы слова не ответил он,
А собрал парней молодых Каюм
И повел орду во деревню-село.
Во тумане как-то утречком
Совершили нападение.
Отец девицы зазнамо узнал,
Зазнамо узнал — жениха поджидал.
День и ночь в избе боролися,
Силу мерили молодецкую.
Все татарева, как снопы легли,
А один Каюм, как суслон стоит,
Со своею силой богатырскою.
Знать, владеть ему красной девицей,
Золотой звездой милой Аннушкой.
А отец ее в злобе ярится:
— Не бывать дочке у нехрестя,
Не бывать ей женой татарина!
И обманом победил его,
Отрубил ему буйну голову.
Как узнала красна девица,
Что сгубили ее молодца,
Убежала Аннушка из дома,
Утонула в быстрой речушке.
И попом-то она не отпетая,
Лишь молва о ней ходит по свету.
Как на речушке да на гремучей,
Часто, часто да пополуночи
Выплывает она из омута,
Поет песню проголосную,
Кличет, кличет все татарина,
Ищет, ищет друга милого.

СКАЗАНИЕ О ГЛАШЕНЬКЕ — КЕРЖАЦКОЙ ДОЧЕРИ

1

Во Уральском во дремучем лесу,
На заимке в Дальнем Ельнике
Уж как жил-то был Аристарх-богач,
Он кержацкий поп, Козел прозвищем.
Прибежал-то он из-под Керженца
В места новые со каменьями,
Со каменьями самоцветными.
Он в лесу заимку выстроил
И обнес ее он заборищем,
И завел собак целу дюжину.
А семья его была маленька:
Он, жена, да дочь-красавица.
Уж красавица да писана,
Как груздочек, была беленька,
Как цветочки, щечки аленьки,
А глаза, как незабудочки,
Незабудочки у реченьки;
Руса косынька позолочена,
Позолочена поздней осенью
И покрашена летним солнышком;

Брови черные будто писаны;
Кротконравая и приветлива.
Запоет она песни по лесу,
Колокольчиком разливается;
Приумолкнут пташечки-касатушки,
Приутихнут звери лютые,
И река журчать остановится,
Солнце со небу низко склонится.
Только лес шумит, подпевает ей,
Тянет ей свою лесну песенку.
А когда заснет наша Глашенька
На шелковой на муравушке,
Лес над нею тихо зыбится,
С нежной ласкою, словно нянюшка,
Словно нянюшка желанная.
Коевадни ¹, как-то Глашенька
Была в маленькой во горенке,
Вышивала скатерть гарусом.
Вдруг тоска схватила за сердце —
Закручинилася по лесу.
Ал подшалочек накинула,
Побежала в лес из горенки.
По тропиночке к родничку бежит,
Где купается черемушка
С белой веточкой в ключевой воде.
Где-то близко сучья треснули,
Где-то близко в уремошнике.
Глаша в кустики сопряталась,
Прикорнула там, словно ягодка.

¹ Однажды, как-то.

В эту пору по тропиночке,
По тропиночке ко ключику
Добрый молодец путь держал.
Соловьем-то он посвистывал,
По орлиному покрикивал.
Был он ростом-то коса сажень,
Богатырь в плечах, словно Муромец.
Серы глазыньки больно зоркие,
Вьются пышные кудри русые,
Перевилися из кольца в кольцо.
Идет ходко он по тропиночке,
Мешок весится на загорбышках.
И поет-то он свою песенку
Про тяжелу жизнь, про каторжну.
Подошел-то молодец к ключевой воде,
Зачерпнул воды во фуражечку,
Заглянул-то он во кустарничек,
Там увидел он красавицу
В алом писаном полушалочке.
Из рук выпала фуражечка —
Засмотрелся он на девицу,
Загляделся он на красавицу.
Осмелела сразу Глашенька,
Протянула белу рученьку:
— Куда держишь путь, добрый молодец,
Без ружья идешь, без топорика?
Скинул-снял свою он котомочку,
Подошел к ней, низко кланяясь,
И тихохонько сел с ней рядышком.
Про себя он ей стал рассказывать:
Как попал в тюрьму во Иркутскую,

Жил в заводе он во Шемахинском,
Робил сызмала там он слесарем,
А потом стал кричным мастером.
— Тяжело жилось мне от барина,
Тяжело жилось от приказчиков,
Весь работный люд так измучился,
Что рабочие взбунтовались
И сожгли в дому управителя.
А царица-то Катеринушка
За слугу-то-пса обозлилася...
Казачи лихи понаехали,
Били палками,
Били розгами,
Много сослано было в каторгу,
В Иркутск попал,
В тюрьму лютую.
Из тюрьмы-то той убежали мы,
Поломали там все решеточки.
Путь сейчас держу ко родителям,
В свой завод иду во Шемахинский.
А потом пойду к Емельянушке,
Ко большому атаманушке.
Тут заплакала красавица,
Жаль ей молодца бесправного,
Понапрасному обиженного:
— Уж ты, славный, добрый молодец,
Поживи-ко ты у батюшки,
Задержись-ко ты у матушки,
Поработай во работничках.
Только тятеньке не сказывай,
Что в лесу с тобою виделись,

И о чем разговор вели,
А нето тебе не бывать у нас.
Только слово она молвила,
Как собака вдруг залаяла,
Грозный окрик им слышался.
Поклонилась красавица —
Снежным комушком растаяла.
Тут кержак с собакой выскочил:
Черны волосы под скобочку
Гладко-нагладко зачесаны,
А глаза его змеиные,
Как у полоза рубчатого.
И давай кержак
Допрос чинить:
— Почему в лесу, парень, шляешься,
И кого в тайге здесь наведаеть?
И смекнул тут добрый молодец,
Он заветы вспомнил девицы:
— Кержаков ищу я по лесу,
С ними я хочу молиться.
Надоела вера новая,
Все порядочки антихриста!
Тут взыграло сердце радостью
У попа у Аристархушки,
Что нашел еще раскольника.
— Ты иди ко мне, детинушка,
Будешь ты моим работничком.
Славить будем веру старую,
Веру старую, кержацкую.
И с тех пор пошел Алешенька
К Аристарху в услужение.

Месяц там он был работничком
И терпел он жизнь кержацкую.
А держала только Глашенька
Своей ласковой улыбочкой.
Раз сидела дочка Глашенька
В светлой горенке растворенной,
Вышивала платье бисером,
Синий бархат оторачивала.
И зашла туда к ней матушка
Посидеть у дочки в горенке.
Аристарха дома не было —
Он повез червонно золото.
На Ирбитскую на ярмарку.
Вдруг заплакала красавица,
Взговорила своей матушке:
— Почему я такая злосчастливая,
Век должна сидеть во горенке?
Я, как пташечка во клеточке,
Без людей сижу,
Без солнышка!
Больно мне горька неволюшка,
Стены горенки немилые!
Ни сестрицы нет, ни братика,
Никакой мне нет подруженьки!
Утешает мать гостинцами,
Подает ей мятны пряники
И орешечки каленые.
Самоцветиков насыпала,
И лежат они на столике,
И в глазах играют радугой.

— На-ко, на-ко, мое дитятко,
На, возьми, родная доченька!
Отмахнулась ручкой Глашенька,
Еще горше разрыдалася:
— Я до золота не падкая,
До камней не охотница.
И не надо мне платьев бархатных.
Все наряды мне опротивели,
Все-то сласти мне приелися.
Ты скажи, скажи, родна маменька,
У отца пошто я в немилости,
Чем я богу провинилася?
День и ночь молюсь во горенке,
В клетку спрятали золоченую,
Опостылело мне моление!
Ох, откройте-ко мои дверочки,
Отпустите-ко из неволюшки!
Словно пташка, бьется Глашенька,
Вся слезами обливается.
Не стерпело сердце матери,
Она тайну ей поведала:
— Дочка милая, уж давным-давно
В скит отдать тебя хочет тятенька,
Чтоб постриглась ты во монахини.
Застонала тут наша Глашенька,
Заметался по горенке,
И от страху ноги подкосились,
На полу лежит без памяти.
Долго мать возилась с дочерью,
Натирала щеки мятою
И святой водою брызгала.

Лицо Глашеньки бледнехонько
И лежит она бездыханная.
Убежала мать из горенки
Стряпку Аннушку выгаркивать.
Во дворе тут был Алешенька,
Он стругал, тесал доски новые.
Как услышал вопли страшные,
Он метнулся живо в горенку,
Взял он девицу за рученьки
И прильнул к устам малиновым,
А рукой погладил волосы,
Словно шелковую травушку.
Тут очнулася красавица,
От стыда ей стало совестно,
А потом она заплакала
Со слезами со горючими
И сказала о судьбинушке,
Что родителем назначена.
Друг Алешенька принахмурился,
Кулаком он стукнул по столу:
— Не бывать тому,
Красавица,
Чтоб ты сделалась монашкой!
Я спасу тебя,
Зазнобушка!
Я спасу тебя,
Лебедушка!
За себя тебя посватаю.
Все кругом мне опостылело,
Без тебя нет в жизни радости!
Как возрадуется Глашенька,

Щеки маком загорелися,
Засверкали глаза солнышком.
Взяла перстень из шкатулочки,
Подала она работничку:
— Люб ты, люб ты мне,
Алешенька,
Я хочу, чтоб ты был суженым,—
Со стыдом она промолвила
И кольцо надела на руку.

3

В это время лай слышался,
У окон кричал Аристархушка:
— Вы куда запропалились,
Не встречаете хозяина!
В сенцы бросился тут молодец,
Не застали, чтоб у девицы,
Не пустили молву по свету.
Дочь кержацкая веселая
Глаша прыгает по горенке,
Словно птичка на свободушке.
А кержацкий поп во сеничках
Звонким золотом позвякивает.
Жена встретила и слезы льет —
Занеможилось, де, доченьке.
Постоял кержак, нахмурился:
— Ничего, я повыбью хворь,
Чтобы в окна к парню не паялилась.
Жена в ноги повалилась,
Просит доченьку помиловать.

Медову бражку поставила,
На перину спать положила.
И уснул кержак во горенке
На перине с красным пологом.
Прилетели сны, как дьяволы,
В ад помчали душу грешную.
За грехи за Аристарховы,
Посадили во бучилушко —
Пекло жаркое, каленое.
Парят, жарят черти веником —
Веник весь горит во полыме,
А потом они иголками
Стали тыкать в Аристархушку:
— Согрешил ты, Аристархушка,
Много сжил людей ты со свету,
Кержаков своих молельщиков!
Стонет, воет Аристархушка,
Спину гнет он в три погибели.
Слышит крики, слышит страшные:
— Яко быть тебе сожженному,
Не оставить в жизни отпрыска!
Аристарх тут просыпается,
Он упал перед иконами,
Стал просить у бога милости:
— Дочь отдам я на сожжение,
Искупи грехи мне, господи!
Ночью долгою молился он,
Рядом черти все мерещились.
Как взыграла ала зоренька,
Стал в клети будить работника.
— Встань, Алеха, будет нежиться...

Запрягай долгушку парою,
В скит поедем в Стары Ельники.
Крикнул он жене со злобою:
— Снаряжай свою красавицу,
Мы поедем на моление,
На Ильин престольный праздничек.
Побелела мать берестечком,
Но перечить побоялася.
Поднялась она ко Глашеньке
В светлу горенку веселеньку,
Где так сладко пахло мятою
И другой душистой травкою.
— Ты вставай, родима доченька,
В скит поедешь на моление,
На престольный Ильин праздничек,
С вами едет Алексеюшко,
Молодой-то наш работничек.
Встрепенулась Глаша весело,
Занялась она нарядами.
В платье новое со бархатом
Нарядилась красавица,
На головушке подшалочек,
На ногах у ней ботиночки,
Черны, новые, шагреневы.
— Не тужи ты, мила мамонька,
Что так слезно убиваешься?
Не на век тебя покинула,
Всего-навсего на праздничек.
Не дадут меня в обидушку —
Со мной едет милый тятенька
И Алеша — добрый молодец.

Зазвенели колокольчики,
Кони бьют землю копытами,
Дочка с матерью прощается
Говорит на расставание:
— Не тоскуй, родима мамонька,
Скоро с тятенькой воротимся,
Привезем тебе гостинчиков!
Заорал тут Аристархушка:
— Эй, садись скорей на козлы ты,
Что с подпругою замешкался?
Тиховат же ты, работничек!
Сел на козлы Алексеюшка,
Понукнул кнутом лошадушек.
Побежали лихо лошади
Мимо домика родимого,
На крыльце стояла мамонька,
Вся слезами обливаючись.

4

Ехали молельщики
В путь-дорогу дальнюю,
И бежит дороженька
По лесу дремучему.
Сидит Глашенька веселая,
Держит рученьку за пазухой,—
Там лежит мешочек с золотом,
С дорогими самоцветами —
На прощанье мать ей сунула.
Хватит с милым обвенчаться,
Убежать далеко из лесу

От лихого от родителя.
Но другую думу думает
Поп кержацкий, лесом едучи:
«Замолить грехи у господя,
Откупиться мне бы дочерью,
Как бы сделать свою Глашеньку
Мне христовою невестою».
Думал думушку Алешенька:
«Как добратся бы к Емелюшке,
Там найти бы мне защитушку
От попа того кержацкого».
И бегут, бегут лошадушки,
Солнце низко к земле клонится.
Миновали быстры реченьки,
Заливны луга душистые,
Пошли горы, пошли ельнички,
Пошли темные пихтарнички.
Ночь застала их в листвянике,
У большой горы Медведихи.
Взошли кони на пригорышко,
Они встали, словно вкопаны:
Вся дорога загорожена.
Вышли из лесу молодчики —
Пугачевские помощнички.
Они крикнули да гаркнули,
Сами бросились к лошадушкам:
— Эй, бояре, вылезайте-ко
На честной на суд, на расправушку!
Козел пятился, топором махал:
— Ах, грабители окаянные,
Душегубы вы, злые нехристи!

Пугачевцы обозлились,
Как набросились, навалились,
Резвы рученьки были скручены,
Быстры ноженьки крепко связаны,
Затолкали в рот травы с паклею
И ведут на суд к Емельянушке,
К справедливому атаманушке.
Емельянушка у шатра сидит,
У шатра сидит, где костер горит.
А на нем кафтан, как у барина,
Перед ним стоят блюда жарены,
Бочки винные хмелем пенятся,—
Для гостей у них приготовлены.
Петли весят на листвяночках.
Во полон ведут Алексеюшку.
Подошел к нему Салаватушко
И взглянул ему в очи ясные:
— Алексей, тюрьма во Иркутске был?
Помнишь, друг ты мой, со мной сиживал?
Ты не враг моя, а кунак моя!
Он обнял его правой рученькой,
Посадил с собой на кашомочку.
Алексей поднял смело голову
И сказал тогда атаманушке:
— Люди добрые, люди ратные!
Буду братом вам, буду по веку:
Не обидьте вы мою девицу,
Мою Глашеньку нареченную.
А отец ее во кустах лежит,
Он веревками перевязанный.
Отпустите вы душу грешную,

Душу грешную, окаянную?
Тут Емелюшка встал со креслица,
Садит гостя он на ковер к костру,
Говорит ему слова ласковы:
— Не обидим тебя, добрый молодец,
Окрутим тебя со невестушкой,
Буду сам я крестным батюшкой.
И зажглись костры красным полымем,
Туш мясных тогда много жарилось,
И лилось вино в крепки чарочки.
Величают жениха со невестою.
Заиграла тут тальяночка с переборами
Песню свадебну, застольную,
Как запела наша Глашенька —
Никто даже не шелохнулся.
Песня пташкою неслась по небу
И манила всех в поднебесьюшко,
Она всех взяла крепко за душу,
Так мила была, задушевная.
Песня кончилась — ноги топнули
И пошли плясать во присядочку.
То не парочка лебедей плывет,
Это Глашенька со Алешенькой.
Он идет за ней, низко кланяясь,
А она ему машет рученькой,
Машет рученькой со подшалочком.
Сам Емелюшка свистнул соколом
И пошел плясать с душой-девицей.
Лишь отец-Козел у костра один,
Злобно он глядит сизым коршуном,
Он не пьет, не ест — думу думает,
Выкрасть как ему свою доченьку.

Нагулялись люди вольные,
Спят вповалочку на траве, в кустах,
Принакрыла их ночь черным пологом.
Отец с дочерью во шатре лежат,
Спят под пологом, спят под шелковым.
Как лиса, кержак поднял голову,
Осмотрел кругом, примечая все.
Перед утречком, как все смолкнуло,
Подползает он к своей дочери.
Спит, во сне она разметалась.
Все ей чудится мил Алешенька,
Да любимая, родна мамонька.
Отец дочери рот платком заткнул,
Связал рученьки полотенцами,
Связал ноженьки красным поясом
И пополз он с ней тихо к лошади.
Отвязал коня, сел он с дочерью,
Скрылся в темный лес по тропиночке.
А к полудню был в Старом Ельнике,
Где кержацкий скит в пять домов стоит,
Да молеленка со окошечком,
Со окошечком со пузырьчатым.
Как приехал поп,
Люди вылезли,
А одеты все по старинушке:
У рубах у всех до колен подол,
Черные волосы к плечам свесились,
Борода у них ниже пояса,
Глаза дикие, словно пуганы.

А у баб у всех сарафанчики,
Сарафанчики косоклинные,
Становинушки по запяточкам,
Платки черные позаколоты,
Позаколоты в подбородочках.
У молеленки они сгрудились
И в охапочке снесли Глашеньку,
Перевязану своим тятенькой.
Мила Глашенька тут проснулася,
Слезно молвила она тятеньке:
— Развяжите мне мои рученьки,
Развяжите мне мои ноженьки,
Я воды хочу испить капельку!
Ты не тятенька,
А злодей лихой,
Отпусти меня на свободушку,
Отпусти меня из неволюшки!
Отец крикнул ей страшным голосом:
— Дочка, будешь ты со Христом в раю,
Будет там тебе, Глаша, весело!
Эй, вы, братия, дайте хворосту,
Смоляной щепы на растопочку.
А ему кричит дочка Глашенька:
— Развяжи ты мне мои ноженьки,
Отпусти скорей на свободушку!
Ведь я дочь твоя, твое дитяtko!
Отец слышал все — не откликнулся,
На мольбу ее не откликнулся.
Ко дверям избы быстро кинулся
И закрыл ее крепко-накрепко.
Закричал на всех что есть моченьки:

— Становитесь под иконами
И молитесь за грехи свои!
Светел день настал искупления.
Сокрушит огонь тело бренное,
В рай пойдете вы с душой радостной!
Он зажег пучок с сухой паклею,
И поднес огонь ко угодникам.
Затрещал огонь по иконушке,
Лихо брызнул он по сторонущкам.
Все молеельщики испугались,
По избе они заметались —
Двери толстые крепко заперты,
У окна стоит сам кержацкий поп.
Бедна Глашенька на полу лежит,
Перед смертынькой молит тятеньку:
— Ой, не жги ты нас, милый тятенька,
Не губи ты нас, мой родименький!
Голосили все бабы скитские:
— Ух, как боязно! Близо смертынька!
Все сгорим в огне, как лучинушки!
А огонь бежал по иконушкам,
Потолок лизал красным полымем,
Тяжкий чад стоял во молеленке.
Вдруг слышался тут собачий лай,
Аристарх полез во окошечко,
Мужики за ним бородатые —
Трое вылезли на свободушку.
У молеленки с огнем бегают,
Поджигают дом сухим хворостом,
Запылала тут вся моленная,
Как сухая головешечка.

Ржанье громкое вдруг слышалось —
 Это ехали добры молодцы,
 Добры молодцы пугачевские,
 Подъезжают они ко молеленке,
 Алексей Козла взял за шиворот,
 Он трясет его что есть моченьки:
 — Ты скажи, старик, где-ко Глашенька,
 Укажи-ка мне, где невестушка?
 Поп взглянул рубчатым полозом
 Усмехнулся злобно в бороду:
 — Там, с огнем она венчается,
 В небеса ко Христу собирается,
 Будет жить в раю, богоданная!
 На огонь Алеша бросился,
 Пугачевцы за ним кинулись.
 Разметали все по бревнышкам,
 Всю моленную кержацкую.
 Алексей нашел там Глашеньку —
 Разметались русы косыньки,
 Подгорело тело белое,
 И слеза засохла в глазыньках,
 В ее глазыньках лазоревых.
 Алексей припал ко головушке,
 Плакал он слезами горькими:
 — Ты прости, голубка Глашенька,
 Моя милая невестушка!..
 То не дождик с неба падает,
 Не былинка низко клонится —
 Плачет горько добрый молодец,
 Над невестою убивается.

А Емелюшка огневался,
Он попа схватил за бороду:
— Не даю тебе прощенья,
Хуже ты лихого нехристя,
Хуже всякого боярина!
Крикнул он своим товарищам:
— Ишь, чего они придумали —
Зря людей сжигают со свету!..
И за то попа кержацкого,
Ну-ка, добры мои молодцы,
На горячие на головни!
Пусть теперь он сам изжарится
На закуску его господу,
Его богу кровожадному!

* * *

Укатилось много времечка,
Прах попа развеян по ветру,
А на месте той часовенки
Все стоит еще бугорышек:
Похоронена в нем Глашенька
Женихом своим Алешенькой.
Каждо вёсну, каждо летичко
Вся могила в алых цветиках,
В алых цветиках красуется.
Пташки малые залетные
Поют песни о старинушке:
Как жила-была красна девица,
Как жила-была кержакова дочь.
Злым отцом она была загублена,
Женихом своим похоронена,
Доброй матерью оплакана.

НЕВЬЯНСКАЯ БАШНЯ

Б т стыда ты, башенка,
На бок наклонилася,
Во тебе, во башенке,
Много слез пролилося.
Там внизу, под башенкой.
Во темных подвальчиках,
Люди были скованы
Кандалами крепкими,
Крепкими, чугунными.
Кандалы не малые,—
Десятипудовые.
Сам Демидов с ключиком
Проверял кандальников,
По лицу бил плеткою,
Злобно приговаривал:
— Семя подневольное,
Семя непокорное!..
Не служили верою,
Не служили правдою,
Мне, купцу Демидову,

Царскому любимчику!
Вас на волю выпущу,
Если в наковаленке
Накуете денежек
Мне мешочки полные!
С богом за работушку,
Черти, принимайтесь,
Только от кандальчиков
Вы не отрывайтесь!
Наклонивши головы,
Люди заработали,
Заиграла платина,
Зазвенело золото,
Покатились денежки,
Денежки фальшивые.
Их собирали в кадочки,
Кадочки дубовые,
Уносили в башенку
По крутой по лесенке.
День за днем катилися,
Денежки копились,
В кадочках, мешочках,
Глиняных горшочках.
А в сырых подвальчиках
Люди задыхались,
Кандалами брякали,
Черной кровью харкали.
Зря они молились,
Зря просили барина:
— Из сырых подвальчиков
Выпусти на волюшку,

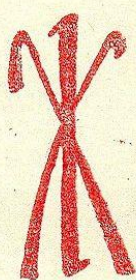
Чтоб увидеть детушек,
Поглядеть на женушек,
Чтобы наши глазыньки
Солнышко увидели,
Чтоб дохнуть нам воздуху,
Воздуху привольного.
А Демидов тешился,
Говорил посулами...
— Годик поработайте,
Выпущу на волюшку!
Два годочка с летичком
Во сырых подвалищах
Денежки чеканили.
А на волю выпустить
Их не собиралися.
Как-то в воскресеньице
Каторжник Данилушка
Распил кандальчики
Востреньким напильником.
Взял пригоршню денежек,
Спрятал их в карманчики,
Из подвала выскочил.
Дальними дорогами,
Дорогами окольными
В Петербург пробрался он
Ко царице-матушке,
Старой Катеринушке.
Во палатах каменных
Он валялся в ноженках:
— Ты, царица-матушка,
Смилуйся, владычица,

Век сидим в неволюшке
Кандалами скованы,
Заперты во башенке,
В башенке Демидовой.
Все чеканим денежки,
Денежки фальшивые!
Ты, царица-матушка,
Выпусти на волюшку,
Чтобы не томилися
Люди неповинные!..
Тут царица старая
Здорово огневалась:
— Что? Чеканит денежки
Без моего ведома!
Я сгною Демидова
Во сыром подвальчике,
Во кривой во башенке!
Ею было велено,
Велено, приказано
Провести дознание
О фальшивых денежках.
На Урал поехали
Тайные чиновники,
Чтоб узнать про башенку,
Башенку Невьянскую.
До купца Демидова
Вести докатилися,
Думушку он думает:
«Не дождешься милости,
За фальшивы денежки
Головой заплатишься».

Чтобы не раскрылось
Дело потаенное,
Он задумал думушку,
Думушку преступную:
Затопить всю фабрику,
Фабрику монетную,
Загубить кандальников,
Что внизу томилися,
Чтоб они не выдали
Барина Демидова.
Тут вода и хлынула
Из пруда заводского
На кривую башенку
С темными подвалами.
Люди цепью скованы,
Билися в подвальчиках,
Кляли, умираючи,
Изверга Демидова:
— Проклято будь золото,
Кровушкой политое!
Провались ты, башенка,
С темными подвалами!
Отомстите, детушки,
Отомстите, правнуки,
Вы за нас, кандальников,
Богачам Демидовым!

СКАЗ ПРО ХУДОЖНИКА СТЕПАНУШКУ

I

Жил у барина Демидова
Крепостной один мальчоночка.
Паренек на редкость сметливый,
На диковинку понятливый.
Рисовать, лепить охотничек, —
Нарисует богородицу,
Богомазу так не справиться.
Из камней он сложит цветики
С зеленой травой-муравушкой,
Яшмой выложит он домики
С бирюзовыми оконцами,
А из липового дерева
Ножом вырежет портретики.
Малолеточкой-диковинкой
Слыл по округу Степанушка
Стар и млад ему поклонятся,
Добрим словом с ним обмолвятся.
Был у барина Демидова
Старый немец управляющий,
Загляделся он на Степушку,
Парня умного, смышленного.

Чтобы не раскрылося
Дело потаенное,
Он задумал думушку,
Думушку преступную:
Затопить всю фабрику,
Фабрику монетную,
Загубить кандальников,
Что внизу томилися,
Чтоб они не выдали
Барина Демидова.
Тут вода и хлынула
Из пруда заводского
На кривую башенку
С темными подвалами.
Люди цепью скованы,
Билися в подвальчиках,
Кляли, умираючи,
Изверга Демидова:
— Проклято будь золото,
Кровушкой политое!
Провались ты, башенка,
С темными подвалами!
Отомстите, детушки,
Отомстите, правнуки,
Вы за нас, кандальников,
Богачам Демидовым!

СКАЗ ПРО ХУДОЖНИКА СТЕПАНУШКУ

I

Жил у барина Демидова
Крепостной один мальчоночка.
Паренек на редкость сметливый,
На диковинку понятливый.
Рисовать, лепить охотничек,—
Нарисует богородицу,
Богомазу так не справиться.
Из камней он сложит цветики
С зеленой травой-муравушкой,
Яшмой выложит он домики
С бирюзовыми оконцами,
А из липового дерева
Ножом вырежет портретики.
Малолеточкой-диковинкой
Слыл по округу Степанушка
Стар и млад ему поклонятся,
Добрим словом с ним обмолвятся.
Был у барина Демидова
Старый немец управляющий,
Загляделся он на Степушку,
Парня умного, смышленного.

Он ко барину Демидову
С хитрой думкою подсыпался:
— Степа — мальчик-самородочек,
Самородочек талантливый,
Будет в мире лучшим скульптором
И хорошим рисовальщиком.
Отошли его в Италию,
Пусть мальчонка там поучится
И с науками спознается?
Сговорился он с Демидовым,
Увезти с собой мальчоночка
Обучаться рисованию,
И из камня вырезанию.
Приделся наш Степанушка
Во костюмчик со искриночкой
И камзольчик синий, бархатный.
Кудри шелковые русые
Покрыл черненькой фуражкой;
На ногах блестят ботиночки,
Узконосые, со пряжечкой;
Шароварчики короткие,
У коленочек подвязаны.
Усмехнулся он невесело,
Поклонился родной матери:
— Еду, еду с неохотою
С чужеземным управителем
В края дальние, заморские!
Собирали в путь-дороженьку,
Барин сам за ним приглядывал,
Потирая руки белые,
Громогласно он покрикивал:

— Будешь, Степка, знаменитостью,
Знаменитостью демидовской.
Поглядел на всех Степанушка,
Он поклон отвесил барину,
Вытер слезоньку непрошену,
Во карету сел во барскую
Рядом с кучером Еремушкой,
Рядом с немцем управляющим.
Долго-долго они ехали,
Добирались до Италии.
Там увидели диковинки,
Все изделия заморские.
Степа в городе похаживает,
Примечает все, доглядывает,
Да на ум себе наматывает.
Потом взялся за работушку,
Мастерил он все по памяти
Хитроумные диковинки.
Вырезал, лепил, раскрашивал,
Сам один без всякой помощи.
И была его работушка
Самолучшая, отличная:
Все-то сделано с «искриночкой»,
И в работу душа вложена.
Немец зорит за Степанушкой,
Хитрой бегаёт лисицею,
Подбирает он рисуночки,
Подбирает он мудреные.
Сам списался со царицею,
Со царицей иноземною.
«В руки мне попало́сь золото,
Русский парень-самородочек,

Крепостной купца Демидова.
Разрисует он хоромины,
Знатно вылепит карнизки,
Вашим скульпторам не справиться,
Богомазам не додуматься».
И царица та заморская
Шлет гонца скорей в Италию.
Он везет письмо царицыно,
Сургучами припечатано.
А в письме ее написано:
«В мое царство именитое,
В мои каменны хоромины
Привезти скорей парнишечку,
Паренечка того русского,
А хозяину Демидову
Во Россиюшку во дальнюю
Шлите весточку печальную:
Дескать, умер ваш Степанушка,
Заразился черной оспою.
Отослали эту весточку
Во Россию ко Демидову.
Шибко барин тут огневался,
Ах, дурак, зачем послушался
Хитреца я управителя.
Погубили мы Степанушку.
Как бы здесь он мне сгодился бы.

II

Завезли Степанушку
В царство иноземное,
Там ему присвоили

Имячко не русское,
Дали ему прозвище
Новое, мудреное.
Рисовать заставили
Царские хоромины,
И царевны голову
Вырезать из мрамора.
Всякими угрозами
Притесняли молодца.
Шибко на чужбинушке
Робить не хотелось,
Порешил Степанушка
Убежать на родину.
С маленькой котомочкой
Пробирался, крадучи,
Путью незнакомою
В сторону родимую.
Побежали по следу,
Захватили бедного,
Во тюрьму запрятали,
За стенами толстыми,
Под кнутом заставили
Стены разукрашивать,
Красоту налаживать.
Рисовал Степанушка,
Слезы горько капали,
Сердце в злобе ржавело.
Со тоски-печалюшки
Умер наш Степанушка
Во тюрьме, во башенке,
За замками крепкими.

Схоронили бедного
Под чужим, под именем
Где-то на чужбинушке,
В чужедальном городе.
Если доведется вам
Быть в стране Италии,
Там в музеях весят
Степины рисуночки,
Разные портретики
В золотых во рамочках.
Рисовал их Степушка,
Из Тагила-города
Паренек талантливый.
Но они подписаны
Не его фамилией.
Дороги картиночки
Слезами закапаны
Паренька уральского
Сына Аристарховны.
Так сгубили Степушку
В дальней во чужбинушке
Иноземцы лютые,
Злые, злые враги.

ПРИКАЗЧИК ВАНЬКА

ил-то Ванька у Демидова купца,
Уж как попил он демидова винца,
Во карманы рученьки запускивал,
Звонким золотом позвякивал,
Хриплым голосом покрикивал:
— Я не даром был прикащиком,
Я не даром был советчиком.
Заодно со мною стражники,
Заодно со мной урядники.
Кого надо я сумею подкупить,
Кого надо я сумею одарить.
Всех красавиц я в деревне соберу,
С каждой девкой могу выпатся,
Над молодушкой потешиться!
Всех парней сошлю на каторгу.
Стары бабы будут робить на меня.
Низко кланяйтесь Демидову,
Не забудьте и прикащику.
Почитайте вы Иванушку,
Почитайте именитого,
Чтоб на вас-то он не гневался,
Чтобы с вами он не ссорился!

ПУГАЧЕВСКИЙ КЛАД

Н а Инышке-то, в темном озере,
Во стальной воде, да под стеклышком
Спрятан-скрыт лежит
Пугачевский клад.
Он давным-давно был там спрятанный,
Он давным-давно там схороненный.
Он схоронен был в темну-черну ночь,
Поздней осенью, в непогодушку.
Говорил больной Емельян Пугач
Есаулу-то Салаватушке:
— Спрячь-ко, верный друг, это золото,
Спрячь-ко, верный друг, самоцветики,
Чтоб враги сейчас не подкралися,
Царским псам добро не досталось.
Стая гончих псов по следу,
С горы Ильменя пробираются.
Эх, вернуть бы мне силу ратную,
Всех орлов моих, псами съеденных!
Ох, как сильно меня ранили
Под Магниткою во большом бою!

Пугачев сказал, всхмурил черну бровь
И махнул рукой он невесело...
Люди ратные сели в лодочки,
Понеслись они левым берегом.
Тучи черные низко свесились,
Ветер нес волну с силой-посвистом
И бросал в волнах остры лодочки.
И неслись они легче перышка,
А в бортах волна лихо ярилась.
Одна лодочка позамешкалась
В камышах-траве, в тихой заводи,
Где стоял давно старый осокорь.
Каркнул вороном Салаватушко
И столкнул ногой бочку с золотом.
И с тех пор давно, много-много лет
Стало место то неприметное,
В камышах-траве затерялося.
И с тех пор лежит бочка с золотом,
Бьет волна по ней сизокрылая,
Только с берега ворон каркает —
Стережет добро пугачевское.

СЛЕЗЫ ЛЬЕТ НАРОД

Во Москве, Москве белокаменной
Заревел большой звонкий колокол.
Повалил народ по всем улочкам,
По всем улочкам, переулочкам.

Он идет, идет, валом катится,
К месту лобному, ко позорному.
Богатырь стоит на подмосточках,
Пугачев — герой атаманушка.

Поклонился он во все стороны,
Принахмурил бровь, лицо пасмурно,
Скинул он кафтан, сбросил шапочку.
Глаза смелые на народ глядят.

— Ты, прощай, народ, Русь родимая!
Рановато мне умирать пришлось,
Не успел помочь люду бедному,
Люду бедному, подневольному!

Тут взмахнул палач топором большим,
Топором большим, остро точеным.
Снял головушку Емельянушке,
Емельянушке атаманушке.

То не дождь шумит со капелями,
Слезы льет народ по головушке,
По головушке атамановой,
Атамановой-Емельяновой.

БУНТ НИЖНЕ-ИРГИНСКИЙ

В старо время, в пору давнюю
На заводе Нижне-Иргинском
Проживала управительша
Лихостная Эмма Карловна.
Все боялись рыжей барыни,
Низко в ноженьки ей кланялись,
Приносили ей гостинчики,
Приносили ей подарочки:
Лучшу рыбу, лучшу курочку,
Кузовок малинки спеленькой,
Холсты трубочкою свернуты,
Лучшей вытканны ткачихою.
Больше всех любила барыня
Желто золото червоное,
Больше всех любила платину,
Да каменья самоцветные.
Наряжалася царицею
И ходила важно, павою.
Если ехала на троечке,
По большой она по улице,

Стар и млад тряслись былиночкой,
Не разгневать чтобы барыню,
Не разгневать чтобы грозную.
Если ты ей не поклонись,
Позабудешь снять фуражечку,
Отстегают хлестко розгами,
Цело летечко промаешься.
Если в церковь направляешься,
Помолись за злую барыню,
Чтобы бог ей дал здоровьица,
Лихостной той привереднице.
Не разгневать чтобы барыню,
Не разгневать чтобы грозную,
Всех собак в закуты прятали,
Чтоб на барыню не лаяли.
Вечерком, во летне времячко
Господа поплыли по пруду
В белой парусной во лодочке,
Размахалась Эмма Карловна
Белой ручкой со колечушком,
Уронила перстень с веткою,
С веткой чистой изумрудною.
Шибко барыня разгневалась,
Шибко барыня расфыркалась,
Без кольца ей жить не в моченьку,
«Дать-подать ей перстень с веткою,
С веткой чистой, изумрудною!»
Кто был в лодке, в воду кинулись,
Чтоб найти ее колечушко,
Что в песочке затерялося.
Муж-то с ней сидит на бережке,

Он все охает да ахает,
Утешает свою барыню:
— Не сердись, моя красавица,
Все равно найдем колечушко,
С веткой чистой изумрудною!
Целый день и целу ноченьку
Люди все ныряли по пруду,
По дну шарили колечушко;
Но оно, как в воду кануло,
Никому не попадалось.
Два денька ушло на поиски.
Трое умерло работников,
Да пятнадцать застудились.
Шибко гневалась барыня,
На коврах она валялась,
Мужа за бороду дергала,
Кулаком его утюжила:
— Дать, подать мое колечушко,
Дать, подать, мое золотое!
Управитель весь избегался,
От заботы весь измыкался.
Вскоре вышло повеление,
Вскоре вышло приказание:
«Всех людей согнать со фабрики,
Чтоб из пруда воду выпустить,
Да найти ее колечушко,
С веткой чистой, изумрудною!»
Разобрали тут плотинушку,
Воду выпустили дочиста.
Много слез тогда было пролито:
Без воды сидели жители,

Дохнул скот в жаре сгораючи,
За работу не заплачено,
Дети хлебушка лишились:
А проклятое колечушко
Никому не попадалося.
Пуще прежнего разгневалась
Лиходейка Эмма Карловна.
Разоралась, ногой топает:
— Вороваты люди русские,
Все паскудные и мерзкие.
Они спрятали колечушко,
Затаили изумрудное!
Через мужа отдала приказ:
«Дать всем порку местным жителям,
А потом поджечь селение!..»
Озлобился трудовой народ,
Подошли толпой к дому барскому,
Укокошили злую барыню,
В шахту труп ее забросили.
Так со злыднею расправились.
Так с ехидною разделались.
Муж сбежал ко губернатору
На народ с большою жалобой.
Тот направил к ним исправника,
Ингуши тут понаехали,
Без разбора бьют нагайкою.
Все зачинщиков допытывали,
Все зачинщиков выискивали.
Только сколько ни старались
Не узнали, кто зачинщики,
Потому что крепко спяны,

Потому что крепко скроены
Люди русские работные.
Так на этом и закончился
Справедливый бунт
Нижне-Иргинский.

ЛИРИЧЕСКИЕ
И ШУТОЧНЫЕ
ПЬЕСЫ ПЕСНИ

НЕ В РОЖОК ИГРАЛИ

Н

е в рожок играли
Рано на заре,
Плакала Сашутка
По своей косе.
— Коса, моя косынька,
Русая коса,
Скоро полиняет
Вся твоя краса.
Скоро тебя, русую,
Буду расплетать,
Под венец готовиться,
В ленты убирать.
Маменька торопится,
Тятенька велит,
Доченька-невестушка,

Ноченьки не спит.
Сердце разгорается
Алою зарей,
Саше вспоминается
Парень молодой.
Надо жить с постылым
Долгие года,
Разлучиться с милым
Другом навсегда.
Полюбить не может
Старого купца,
И забыть не в силах
Ваню-молодца.
Не в рожок играли
Рано на заре,
Утопилась Саша
В ледяной воде.
И в венчальном платье
Сашенька лежит,
Лента распустилась,
Как огонь, горит.
А у ног стояли
Оба жениха,
Слезы вытирали
Два белых платка.
Не в рожок играли
Рано на заре,
Сашеньку зарыли
Во сырой земле.

ПАРЕНЬ КАМУШКИ ИСКАЛ

Парень камушки искал,
Искал самоцветики,
Притомился, приустал
Лег в кусты у речки.

Шибко, крепко задремал,
Сон ему приснился:
Самоцветница стоит,
Каменна царица.

Манит, манит и зовет
К речке, к перекатам:
— Самоцветы все твои,
Будешь ты богатым!

— Я богатства не ищу,
А хочу у речки
Камешок один найти
Милой на колечко.

— Навсегда забудь свою
Лизу-мастерицу.
Будешь мужем ты моим —
Каменной царицы.

— Нет, цариц я не люблю,
Не люблю богатых,
Не хочу с тобою жить,
Не желаю сватать.

— Коли так, то уходи,
Паренек кудрявый,
А не то приворожу,
Напою отравой!

И махнула на него
Шелковым платочком,
Распылилася вдали
Золотым песочком.

ЗОЛОТЫЕ ПЕСКИ МОЮ

Я на реченьке пески мыла,
В решете большом просевала,
Счастье девушке пофартило,
Меня золото поманило.

Знать, пришел Полоз по песочку,
Потерял у реки он сорочку,
Шкура золотом рассыпалась,
Белой платиной растерялась.

Зорька красная в небе бродит,
Родна мамынька ко мне подходит:
— Ты совсем заработалась, дочка,
Не заметила, близится ночка.

Я с богатою речкой прощалась,
И от радости тихо смеялась:
— Хоть не даром здесьгнула я спину,
Сошью платье теперь из сатину.

ПО МАЛИНУШКУ

Красным летичком,
Ранним утречком
Я пойду, пойду
По малинушку.
Мне легко, легко
На прохладушке,
Без усталости,
Без надсадушки.
На траве, траве муравчатой
Встрепенулись алы цветики,
Ветка к веточке наклоняется,
Поют пташки в поднебесьюшке.
На опушке да во лесичке
Повстречаюсь я с кордонщиком,
Скажет он мне, низко кланяясь:
«Рано встала, душа-девица,
Рано, рано просыпаешься,
За малиной в лес пробираешься.
Посиди со мной здесь под деревцем,
Моя милая душа-девица,

Расскажу тебе про любовь свою,
Как в груди кипит крутоярая,
Сердце рвет она молодецкое!
Где бы ни был я, ты везде со мной
Стоишь с кузовком со малиною,
Со малиною — спелой ягодой.
Повернись ко мне ты лицом к лицу,
Поцелуй меня в уста сахарны!
Застыдилася тутю девица,
Брови черные опустилися.
И промолвила тихим голосом:
«Ты, как тень, стоишь за спиной моей,
Где бы ни был ты, я всегда с тобой.
Вижу я тебя у сосеночки,
У сосеночки со топориком,
Смотришь ласково, низко кланяясь,
И зовешь меня в лес по ягоды.
Сердце девичье заберет тоска,
Я пойду одна по малинушку;
Не берет меня даже оторопь,
Что я встречуся со медведишкой;
Повстречать могу волка серого,
Кровопийцу жадную — злую рысь;
Иль грозой в лесу быть захваченной.
Я пойду, пойду по малинушку,
Я сорву, сорву спелу ягоду,
Положу ее во лукошечко,
Во лукошечко во берестяно.
Лежи, лежи, ягодка, не сомнися.
Собрала тебя чистую, без листочков,
Без листочков и червячков,

Без зеленого без стручочка.
Угощу родну маму малинкою,
Да и тятеньку спелой ягодкой.
Поедят-то они да подobreют,
Молоду меня пожалеют,
Отдадут меня замуж за кордонщика,
Разлюбезного полесовщика.

ЧТО ТЫ ПЛАЧЕШЬ, ТАНЕЧКА?

М то ты плачешь, Танечка?
Спросил девку Ванечка.
— Как же мне не плакать,
Как же слез не лить,
Отказался миленький,
Девицу любить.
— Ты, не плачь, Танюшенька,
Слезы зря не лей:
Встретишь ты другого,
Будет он милей.
Зарится давно он
На твою красу,
Сам с тоскою ходит
В боровом лесу.
Парень он хороший,
С ним не пропадешь,
С лесником веселым
Славно заживешь.
Танечка не плачет,
Больше слез не льет
К милому, хорошему,
К леснику идет.

КАК ЗА РЕЧКОЙ НЕДАЛЕЧКО

Как за речкой недалечко
Солдат сено косит,
По другую по сторонку
Катя воду носит.

— Не видал тебя, Катюша,
Не видал давненько.
Посиди со мной, голубка,
Посиди маленько.

Солдат девице Катюше
В любви объяснился.
Он водицы ключевой
Из ведра напился.

Он сорвал цветочек алый,
Подарил Катюше.
Посадил ее на травку
Соловья послушать.

Не заметили, как ночка
Землю принакрыла,
Как черемушка над речкой
Голову склонила.

Где сидели на лугу,
Травушка примята.
Солдат бравый, молодой,
Девушку сосватал.

ЧТО ЖЕ ТЫ, ГУЛЯ

(Игровая)

Что же ты, гуля,
Гуля, голубочек,
Что же ты невесел,
Сизый воркуночек?
— Студено мне, гуленьке,
Студено мне сизому.
Частый дождинчик сечет мои крылышки,
Ветер буйный треплет мои перышки.
Ой, гули, гули, гули,
Да треплет перышки.
— Где же, где же, гуленька, летишко?
Где же оно, гуленька, красно солнышко?
Где она, зеленая дубравушка?
Где же она, шелкова травушка?
— Ведьма осень лихостливая
Ветром буйным, частым дождинчком
Прогнала она красно летишко,
Прогнала она тепло солнышко.
Ой, боюсь я, гуленька, студеной воды.

— Пойдем, гуленька, во горенку,
Пойдем, гуленька, во теплую,
Напою тебя чаем с сахаром,
Чаем с сахаром во прикусочку.

— Гули, гули, гули, гули,
Не пойду во горенку,
Не хочу я сахару.

Лучше сяду я под конёчек.
Просижу я там весь денечек,
Принеси ты мне во дупелько
Зеленой крупы-конопельки.

СТАРИК ТРУБКУ ЗАКУРИЛ

Старик трубку закурил,
Дым в окошко повалил.
Эх, вертится,
Эх, стелется!
Во колечко, во кольцо,
Из окошка на крыльцо.
Там старушка стоит,
Перестать курить велит:
— Ты дымишь, как самовар,
Напустил везде угар.
Не намоешься,
Не набелишься...
А старик не унимался,
Над старухой смеялся:
— Спиридоновна, привередница,
Размахалася руками,
Будто мельница!
Тут пошел такой содом,
Вверх тормашками весь дом.
Полетели горшки,

А из печи пирожки,
Опрокинула кадушку,
Уронила на пол вьюшку.
— Ах, попомнишь ты меня,
Не останусь жить и дня!
Опустив от горя очи,
Понеслася, что есть мочи,
А за нею дым кольцом.
Эх, стелется!
Эх, вертится!
Прибежала ко судье,
Рассказала о беде:
— Ах ты, батюшка-судья,
Разбери наши дела,
Ну, скажи, зачем такой,
Муж достался мне дурной,
И зачем он дым пускает
И колечками играет —
Из оконца на крыльцо,
Закоптил мне все лицо?
Пусть один старик живет,
Получить хочу развод.
Только вымолвить успела,
Чуть на лавочку присела,
И в какой-то миг,
Появляется старик:
— Говорю я наперед,
Не даю я ей развод.
Ты, старуха, не серчай,
Пойдем, милая, пить чай.
А судья так рассудил,
Стариков он помирил:

— Постыдитесь,
Не срамитесь.
Чуть вас дружба не возьмет,
Вы уж сразу и развод!..
От судьи они пошли,
Словно клад какой нашли,—
Улыбаются да обнимаются.

ВО СЕРЕБРЯНОМ САМОЛЕТКЕ

В

о серебряном самолете
Я взвьюсь, взвьюсь в поднебесьюшко,
Пролечу сквозь тучу черную,
Понесуся к ясну месяцу.

Загляну к нему в светлу горенку,
Светлу горенку хрустальную.
Там справляет месяц свадебку
С ночкой темною, синеглазою.

Ветер им поет песню свадебну,
Гром играет там в больши гусельки,
Посреди избы пляшет радуга,
Вся горит она самоцветами.

Звезды ясные с темной ноченькой
Во обнимочку хороводятся.
Облака кругом лихо вертятся
По поднебесью голубому ли.

Во серебряном самолете
Я взвьюсь, взвьюсь в поднебесьюшко,
Пролечу сквозь тучу черную,
Понесуся к ясну месяцу.

КАК ВЗОЙДУ-ТО Я

Как взойду-то я на гору круту,
На гору круту, на Уральскую,
Посмотрю-ка я, где Москва стоит,
Где Москва стоит белокаменна.

Там увижу я Кремль со башнями,
Кремль со башнями, со зубчатыми,
Там на башенке светят звездочки,
Огоньки горят рубиновы.

Светят звезды — в них правда Ленина,
Светит солнце — в нем правда Партии,
Не сгорит она да во пламени,
Не утонет во сизой волне.

Будет жить она в веках по веку,
И учить людей уму-разуму.
И покажет нам путь-дороженьку
Ко счастливой жизни радостной.

~~С. С. С.~~

СОДЕРЖАНИЕ

М. Китайник, В. Курбатова. Жизнь и творчество К. С. Копысовой 3

Исторические песни и предания

Как Ермак плыл по Чусовой	9
Ермак и Тура-река	11
Ермак и хан Кучум	13
Письмо Ермака	16
Сказание про красавицу Аннушку	20
Сказание о Глашеньке — кержацкой дочери	24
Невьянская башня	42
Сказ про художника Степанушку	47
Приказчик Ванька	53
Пугачевский клад	54
Слезы льет народ	56
Бунт Нижне-Иргинский	58

Лирические и шуточные песни

Не в рожок играли	65
Парень камушки искал	67
Золотые пески мою	69
По малинушку	70
Что ты плачешь, Танечка?	73
Как за речкой недалечко	74
Что же ты, гуля	76
Старик трубку закурил	78
Во серебряном самолетике	81
Как взойду-то я	82

Копысова Клавдия Степановна
УРАЛЬСКИЕ ПЕСНИ И ПРЕДАНИЯ

Редактор Н. Куштум
Художник В. Бубенщиков
Художественный редактор Г. Кетов
Технический редактор Н. Пальмина
Корректор Н. Рабинович

Подписано к печати 26/V 1964 г.

Уч.-изд. л. 2,8 + 1 вкл.

Бумага 70×108/32=1,31 бумажного — 3,71 печ. л.
ИС 36427. Тираж 10 000. Изд. № С147. Цена 25 коп.
Заказ 235.

Средне-Уральское Книжное Издательство
Свердловск, ул. Малышева, 24.

Типография изд-ва «Уральский рабочий»,
Свердловск, проспект Ленина, 49.

25коп.

СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1964